

Коробейникова А.А.

Оренбургский государственный университет

E-mail: SSSR2004@yandex.ru

**«ПОСЛАНИЕ К ЖЕНЩИНАМ» Н.М. КАРАМЗИНА:
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ**

Н.М. Карамзин справедливо признаётся главой русского сентиментализма, реформатором русского литературного языка, творцом нового слога. В литературоведении недостаточно изучены вопросы стилистики. Стилистические особенности в творчестве Н.М. Карамзина исследуются на материале анализа стихотворения «Послание к женщинам» (1795), которое вызвало интерес его современников и современных исследователей.

В ходе анализа определены три группы слов: слова, обозначающие субъективное состояние, переживание; слова, обозначающие предметы эпикурейского быта; слова, обозначающие предметы внешнего мира, преимущественно детали пейзажа. Указывается на то, что эти группы объединяются в элегический словарь. Особое внимание уделяется словам высокого стиля, присутствующим во всех трёх лексических пластах.

В результате исследования делается вывод о том, что Н.М. Карамзин-сентименталист в своих поэтических произведениях учитывает опыт предшественников-классицистов.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, «Послание к женщинам», лексика, стилистика, русская поэзия XVIII века.

Н.М. Карамзин внёс значительный вклад в отечественную культуру как историк, публицист, критик, переводчик, писатель, реформатор русского языка. В.Э. Вацуро в статье «Карамзин возвращается» называет повышенный интерес к жизни и деятельности Н.М. Карамзина «одним из любопытнейших феноменов общественного сознания восьмидесятых годов» XX века [1]. С того времени исследовательский интерес к творчеству Н.М. Карамзина не ослабевает. Литературоведы изучают проблемы поэтики и версификации в его стихотворных и прозаических произведениях, преемственность творческого наследия. Лингвисты анализируют формирование концептуального значения русского слова, текстообразующие и стилеобразующие значения и формы именных темпорем в поэтических текстах, функционирование эмотивной лексики и фразеологии в его произведениях [2], [3].

Наше обращение к исследованию творчества Н.М. Карамзина в рамках современной лингвистики представляется актуальным, так как соотносится с важнейшими принципами антропоцентризма, семантикоцентризма и текстоцентризма. Выбор объекта и предмета изучения объясняется несколькими причинами. Во-первых, данное стихотворение «вызвало живой интерес современников» [4, с. 391]. Во-вторых, «Послание к женщинам» Н.М. Карамзин включил в альманах «Аониды» (1796),

в два издания «Моих безделок» (1797, 1801), а также в сочинения (Т. 1, 1820). В-третьих, данное стихотворение вызывает исследовательский интерес современных учёных [5]. Не оспаривая результаты исследования предшественников, мы остановимся на том аспекте, который остаётся недостаточно освещённым. Целью настоящей статьи является изучение стилистических особенностей «Послания к женщинам» (1795) Н.М. Карамзина. Автор является общепризнанным «главой русского сентиментализма» в литературе XVIII века, что постулирует главенство чувств в художественном восприятии поэта. Структурно-семантические части «Послания к женщинам» соотносятся с мадригалом, идиллией, одой, автоэпитафией, что находит отражение в выборе стилистически маркированных средств языка.

Несколько слов об историко-культурном контексте времени написания анализируемого произведения. Эпоха Просвещения открыла новый взгляд на человека. В центре внимания философии, эстетики, литературы оказалась личность, в частности, личность женщины как матери, супруги, общественного деятеля, подруги, субъекта и объекта воспитания. В России XVIII века, с 1725 года по 1796 год, правила женщины: Екатерина I, Елизавета Петровна, Анна Иоанновна, Екатерина II. По велению Екатерины II в 1764 году открылось первое в Рос-

сии женское учебное заведение, положившее начало женскому образованию, – Императорское воспитательное общество благородных девиц. Согласно Указу, оно было создано с тем, чтобы дать государству образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества, формировать «новую породу людей».

Н.М. Карамзин очень хорошо чувствовал веяния времени. Д.Г. Николайчук, исследуя «Послание к женщинам» как манифест феминистических взглядов, указывает на то, что «цель его изданий выходит за рамки чисто литературной – он стремится сформировать новую, сентиментальную культуру, в которой женщине отводится важная роль. Обращение к женщине диктуется не только законами того или иного жанра. Это становится знаком особого литературного этикета. Женщина выступает как главная героиня произведения, мысли о ней тревожат лирического субъекта, она же является адресатом поэтических творений» [5].

Адресат литературного произведения вынесен в название, как и сам жанр – «Послание к женщинам». Диалогичность жанра послания реализуется в обращении к читателю (читательнице) с целью информирования, воздействия на адресата, а также в экспликации собственных взглядов, чувств автора. В отступление от господствовавшей традиции важная роль отводится не столько просветительскому началу, сколько размышлениям автора о женском мире и роли женщины в современном ему обществе. Лексическими средствами реализации диалогичности являются многочисленные обращения («красавицы», «милые», «любезные мои», «друзья мои», «о нежный пол», «Нанина», «мой друг»); вопросительные и побудительные конструкции («Но за одну ли страсть достойны вы венца?», «Но кто пленится вами,/ Любезные мои, как мил бывает тот,/ Как нежен сердцем, добр делами!», «Хвалить ли в вас тот жар,/ С которым вы всегда добро творить готовы?», «Без вас что делать нам?»¹). В этой связи становится очевиден коллективный адресат послания. Кроме прочего, в послании автор вопрошает: «Скажите, отчего мудрец Сократ милее/ Всех прочих

мудрецов?». Общеизвестно, что риторический идеал Сократа характеризуется как диалогический, гармонизирующий и смысловой.

О.Э. Подойницына, анализируя темы и жанры поэзии Н.М. Карамзина, отмечает послания как его излюбленный жанр. Важным представляется мнение исследователя о том, что «Стихотворения характеризуют Карамзина как поэта-психолога, создавшего мастерские образцы анализа сложностей и противоречий психологии человека. Он не просто описывает любовь или дружескую привязанность, он их исследует, проникает в их природу, в диалектику соотношения общих закономерностей с особенностями индивидуального эмоционального мира. Призвание поэта в том, чтобы постичь этот мир в его противоречивости и изменчивости» [2, с. 174].

«Послание к женщинам», датированное 1795 годом, было опубликовано в первом выпуске альманаха «Аонида» в 1796 году. В этом объёмном стихотворении с лёгкостью обнаруживаются 15 графически выделенных частей. Не останавливаясь на анализе структуры и описании женских образов, которые представлены в диссертации Д.Г. Николайчук «Грани женского мира в альманахах Н.М. Карамзина» [6], перейдём к анализу стилистических особенностей стихотворения «Послание к женщинам» Н.М. Карамзина.

Доказательством того, что творчество Н.М. Карамзина-лирика оказало существенное влияние на поколение выдающихся русских поэтов XIX века, в частности, А.С. Пушкина, может служить следующее наше наблюдение. Практически весь элегический словарь, представленный Г.О. Винокуром в «Избранных работах по русскому языку» [7] присутствует в стихотворении «Послание к женщине». В ходе анализа нами определены следующие группы лексических единиц: слова, обозначающие субъективное состояние переживание; слова, обозначающие предметы эпикурейского быта; слова, обозначающие предметы внешнего мира, преимущественно детали пейзажа. Остановимся на описании данных лексических единиц подробнее.

1. Слова, обозначающие субъективное состояние, переживание, представлены следующими единицами: «милый, нежной, благосклон-

¹ Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. – М., – Л.: Советский писатель, 1966. – С. 174. Далее текст цитируется по этому изданию.

ность, любезность, с нежностью, угрюмости, добродетель, лютый, восчувствовать, усердие, наслаждался, любился, счастье, радости, печальный, восхищения, унылый, несчастных, кротких, ужасных, любовь, суровой, мрачный, умирает, тихий, блаженство, добро, совершенство, честь, жестоких, мрачных, яростных, бессмертие, геройство, блаженных, надменное, покою, бояся, трепещет, безумный, с тоскою, скука, сует житейских, чувствительность, резвый, в восторге, от счастья, вкушая радости, утешила». Такая богатая детальная экспликация эмоций, чувств и состояний подчёркивает активное взаимодействие автора с окружающей действительностью. Эмотивная лексика представлена в равной степени словами, обозначающими положительные эмоции («радость», «счастье», «восхищение»), и словами, обозначающими отрицательные эмоции («несчастье», «жестокость», «тоска»). Это, на наш взгляд, объясняется использованием антитезы: «Чтоб слогом чистым, сердцу внят-ным,/ Оттенки вам изображать/ Страстей счастливых и несчастных,/ То кротких, то ужасных», «Он умер – для сует житейских;/ Живёт – лишь для любви и зрит любовь одну/ Во всем творении обширном;/ Бежит от скуки городской,/ Чтоб в сельском крове мирном/ Питать в груди своей чувствительность, покой». Слова данной группы представлены разными частями речи: существительными, глаголами, прилагательными, сочетание которых чаще реализуется формулой существительное плюс прилагательное («страстей счастливых», «для тонких чувств», «в угрюмости суровой», «лютый воин», «ночей унылых», «искренностью милой», «дух унылый», «от добрых, нежных душ»).

В исследовании организации психологического пространства, как мы указывали на это в ранее опубликованной работе, «внутренняя вселенная» благодаря лексической экспликации чувственного мировосприятия представляется вмещением, включающим душу, сердце, рассудок, память и т. п. Основными средствами изображения подобного пространства являются метафора и сравнение. Внутренний мир субъекта, отраженный в тексте художественного произведения, содержит локализаторы, которыми обычно выступают номинации органов чувств: сердце, душа, глаза и т. п. [8]. В «Послании к женщинам» психологическое пространство,

по нашим наблюдениям, эксплицируется следующими конструкциями: «Которых милые глаза, / Улыбка и слеза / Закон в душе моей писали», «Дам волю сердцу», «Учению сему в архивах оставаться, / В сердца ж вовеки не входит», «Сей разум, коим нас / Судьбы благие одарили, / О коем мудрецы твердят нам всякий час, / Не есть ли тщетный дар без склонностей сердечных? / Они-то движут нас; без них и ум молчит», «Чувствительность в груди питая, / В сердцах у всех людей я камень находил», «Излил восторг души», «наш разум оживится», «А прелесть ваша нам отраду в грудь вливает» и др. (В данных примерах курсив наш – А.К.).

По результатам исследования русских летописей, представленных в работе О.Н. Кондратьевой, лексемы душа, сердце, ум определены вербализаторами базовых концептов в национальной картине мира древнерусского периода [9]. Концепты дух, душа, сердце, а также мысль, разум, рассудок, по мнению А.В. Маняхина, занимают важнейшее место в лирике Е.А. Баратынского [10]. Таким образом, мы полагаем, что в каком-то смысле Н.М. Карамзина можно считать восприимчивым, хранителем древнерусской литературы, «наследниками» которого стали русские поэты XIX века. В этом отношении показателен выбор и перевод эпитафии: «То есть Феб или Аполлон. / Всеблагий бог, пекущийся о нас, / Шлифующий наш разум, как алмаз, / Вам кротость дал, рассудок и... Поэта». И далее по тексту: «Чтоб слогом чистым, сердцу внятным», «Он, право, мил и верно переводит / Всё темное в сердцах на ясный нам язык», «В беседе с тем, кого мы любим всей душою», «Душа его от хлада умирает», «К сердцам и к счастью судьбой вам отдан ключ», «Ещё души не обретает», «Смягчается душой, восчувствовав любовь», «И зреет нежною душой», «Философу совет ваш нужен, / Чтоб ум людей пленить, подобно как сердца / Умеете пленять» (В последнем примере – курсив Карамзина).

Так как в реальной жизни Н.М. Карамзин не выставлял душу напоказ, Жермена де Сталь решила, что у него нет души и после знакомства записала в своей книжке о нём: «Сухой француз – вот и всё». Эту парадоксальность отмечает Ю.М. Лотман: «Представлять себе Карамзина «сентименталистом жизни» – значит глубоко заблуждаться. Один из самых нуждавшихся в

дружбе русских писателей, писатель, создавший подлинный культ дружбы, всегда окружённый учениками и поклонниками, не только был глубоко одинок – это удел слишком многих, – но и был чрезвычайно скуп на душевные излияния и ревниво хранил свою душу от внешних, даже дружеских, вторжений» [11].

Лексико-стилистический строй вышеописанной группы слов, обозначающих субъективное состояние, переживание, свидетельствует о том, что «Послание к женщинам» является ярко выраженным стихотворением, написанным сентименталистом.

2. Обозначение предметов эпикурейского быта в стихотворении представлено единичной лексемой поцелуй: «О вы, для коих я хотел врагов разить, / Не сделавших мне зла! / хотел воинской славой / Почтение людей, отличность заслужить, / Чтоб с лавром на главе пред вашими очами / Явиться и сказать: «Для вас, для вас и вами! / Возьмите лавр, а мне в награду... поцелуй!». Д.Г. Николайчук интерпретирует данный фрагмент следующим образом: ««Послание...» открывается поэтически преобразённой «автобиографией» лирического субъекта: детство, молодость, первое чувство. Возникает и образ возлюбленной – сельской «красотки» Розы. По прошествии лет автор с иронией пишет о собственной жажде почестей, победы, славы – ради поцелуя милых красавиц. Потом он прекращает военную карьеру и становится писателем. Карамзин декларирует новый статус поэта: авторство объявляется достойным жизненным поприщем» [5]. «Для коих после я, в войне добра не видя, / В чиновных гордецах чины возненавидя, / Вложил свой меч в ножны («Россия, торжествуй, – / «Сказал я, – без меня!») ... и, вместо острой шпаги, / Взял в руки лист бумаги, / Чернильницу с пером, / Чтоб быть писателем, творцом, / Для вас, красавицы, приятным». Об этом решении Карамзина Ю.М. Лотман так пишет в романе-реконструкции «Сотворение Карамзина»: «Прослужив лишь год в Преображенском полку, он восемнадцати лет снял зелёный мундир преображенца, чтобы никогда уже не облачаться в форменную одежду. На самые лестные служебные предложения, которые делал ему в дальнейшем Александр I, он неизменно отвечал отказом. Его общественным идеалом была независимость, его представле-

ние о счастье неизменно связывалось с частным существованием, тесным кружком друзей, семейной жизнью» [11].

В одной из ранее опубликованных нами работ мы рассматривали понятие «литературный персонаж» в трактовке Л. Гинзбург как «серии последовательных появлений или упоминаний одного лица. Изображение его слов, действий, внешних черт, внутренних состояний, поведение о связанных с ним событиях». В числе элементов, способствующих изображению «литературного персонажа», есть указание на внешность. В. Маслова, размышляя о значимости человека, пишет: «В центре мира стоит человек как личность, имеющая тело, душу, речь». В числе составляющих внешнего облика человека исследовательница указывает на голову и её части (глаза, волосы, нос, бороду, губы). Глаза считаются важнейшей частью лица, так как посредством органов зрения воспринимается большая часть знаний о мире [12].

В «Послании к женщинам» Н.М. Карамзин не указывает на размер и разрез глаз героини, не называет их цвет, не описывает брови и их мимические конфигурации, однако отчётливо прослеживается визуальный контакт адресанта и адресата речи. Кроме этого, представлено и описание губ: «Которых милые глаза, / Улыбка и слеза / Закон в душе моей писали / И мною так играли, / Как резвый ветерок пером», «У вас в очах блестит небесный, тихий луч, / Который показать нам должен путь к блаженству, / Добру и совершенству», «а третью живём / Для ваших милых глаз», «Он рай нашёл в глазах прелестных / Любовницы своей», «Приятный взор её, улыбку заслужить», «Из глаз её в себя луч кротости вливает» (В данных примерах курсив наш – А.К.). Эпитеты в описании глаз, улыбки эксплицируют внутренние качества личности – кротость, любезность, доброту, ласковое и милое обхождение с женщиной, дарящие радость и успокоение души: «Хвалить ли вас, друзья мои, за дар полезный / Мужчин развешивать / Одним приятным взором? / Без вас что делать нам? Друг друга усыплять / Холодным, скучным разговором? / Явитесь в обществе с усмешкой на устах, / И вдруг во всех очах / Веселья луч сверкнёт; наш разум оживится».

Не вполне ясным представляется отношение Карамзина к женской красоте: то ли она не

столь важна, то ли красавицей следует считать носительницу вышеперечисленных душевных качеств? Во всяком случае, в тексте стихотворения номинации красота, красавицы присутствуют, например: «Пусть вас злословит лицемер, / Который для того красавиц порицает, / Что средству нравиться красавицам не знает!». Приведём также фрагмент, в котором Карамзин воспевает внешнюю и внутреннюю красоту сестёр милосердия: «Я видел жён прекрасных, / Которых юный век тому лишь посвящён, / Чтоб муки утлять несчастных; / Всечасно взор их устремлён / На то, что душу возмущает: / На скорбь, страдание и смерть! / С какою кротостью их голос увещает / Болящих не роптать на бога, но терпеть! / Колена преклонив, одна у неба просит / Им здравия или... спокойного конца; / Другая питие целебное разносит / И ласкою живит тоскующих сердца. / Своею красотою / Могли б они царей пленять; / Но им милее быть с болезнью, нищетою, / Чтоб бремя их сколь можно облегчать!».

3. Слова, обозначающие предметы внешнего мира, преимущественно детали пейзажа, эксплицируются следующими примерами: «резвый ветерок», «Природу в *сень* лесов», «сидя над ручьём», «полей блаженных», «в сельском крове мирном», «на лугах», «на тонких облаках», «под сенью древ душистых», «под шумом вод серебристых», «шумящий ветр страстей», «с веющим зephyром». Профессор Г.О. Винокур отмечает, что некоторые из этих словесных образов для поэтов XVIII–XIX веков были несколько навязчивы, в частности, употребление слова *мирт*, однако в послании данная номинация встречается лишь дважды. Отметим также нечастое употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов.

Поэт рисует идиллическую картину, составляющими которой являются красота природы с её обитателями. Истинным счастьем для поэта является нахождение вдали от шумного света и городской скуки, с чувствительностью и покоем в сердце. Пейзаж играет важную роль в лексической экспликации чувств: «Но кто пленится вами, / Любезные мои, как мил бывает тот, / Как нежен сердцем, добр делами! / Природа для него есть зрелище красот», «Где тихо горлицы воркуют, / Друг друга с нежностью милуют / И гнёздышко себе на юных миртах выют; / Где две малиновки поют; / Где все богатства Флоры/

Сияют на лугах, / Как пурпур, золото Авроры / В час утренний блещут на тонких облаках, / – Там он, под сенью древ душистых, / Там он, под шумом вод серебристых, / С любезною своей в восторге дни ведёт, / И только лишь от нежных чувств вздыхает, / И только лишь от счастья слёзы льёт. / Вкушая радости, он радость сообщает / Всему вокруг себя». Описание внешнего и внутреннего мира не противопоставляются, как в гражданской лирике Карамзина, а соотносятся в данном стихотворении: душевная ясность, чувствительные любящие сердца, покой и простая жизнь как жизнь душевных переживаний поддерживаются описанием деталей простого сельского пейзажа: «Ах! счастье любит мир, от шума убегает», «Бежит от скуки городской, / Чтоб в сельском крове мирном / Питать в груди своей чувствительность, покой».

Важнейшей деталью пейзажа, по нашим наблюдениям, являются цветы: «Подобно как в саду, где роза с нежным кринном, / Нарцисс и анемон, аврикула с ясином / И тысячи цветов / Пестреют на берегу кристальных ручейков, / Не знаешь, что хвалить, над чём остановиться, / На что смотреть, чему дивиться, / – Так я теряюсь в красотах / Прелестных ваших душ», «Цвети, о нежный пол! и сыпь на нас цветы!». В литературе XVIII века существовала традиция сравнения женщины с цветком. Каждый из них ассоциировался не только с типом внешней красоты, но и с комплексом внутренних качеств. Роза – символ любви, супружеской пары, крин – белоснежная лилия – символ чистоты и непорочности, аврикула, нарцисс – символы весны, желанья, анемон – хрупкости, слабости, жасмин – символ чистоты, верности и любви. На наш взгляд, данные названия цветов можно рассматривать в качестве метафорических номинаций, фитонимов, эксплицирующих ассоциативные признаки идеальной женщины.

В анализируемом послании не представлена фамильярная лексика. Возможно, это объясняется тем, что «Карамзин как истинный мэтр, даже в лёгком и шутивном роде умел сохранить вполне светский и «благородный» тон» [7]. При описании предметов внешнего мира автор использует лексику высокого стиля, поэтизмы и славянизмы, которые придают посланию стилистическую окраску торжественности. Это такие лексические единицы высокого поэтического

языка: «разить», «для коих», «в гордецах», «вложил свой меч в ножны», «животворит», «лавром осеня надменное чело», «зрелище красот», «для сует житейских», «вкушая», «меч подъятый опускает», «скупец», «злословит лицемер» и проч. В числе церковно-славянской лексики послания Карамзина определены слова разных частей речи: существительные – «брег», «древ», «хлад», «сень», «ветр»; прилагательные – «здравый»; глаголы – «зрим», «сокрылась»; местоимения – «для коих», «сей». Следуя традиции русской поэзии XVIII века, в стихотворении Карамзин употребляет мифологизмы: Феб, Флора, Аврора, Аполлон, Купидон, Гименей.

Опишем особенности, характерные для всех трёх тематических групп:

– в послании отсутствует фамильярная лексика;

– в стихотворении представлены лексические единицы высокого стиля;

– в тексте присутствуют имена собственные (Роза, Сулла, Аттила, Лафатер, Сократ, Аспазия, Эйлер, Екатерина, Нанина).

Подводя итоги наблюдений, сделанных в процессе анализа стихотворения «Послание к женщинам», можем сформулировать следующие выводы. Во-первых, нами определены три лексических пласта: слова, обозначающие субъективное состояние, переживание; слова, обозначающие предметы эпикурейского быта; слова, обозначающие предметы внешнего мира, преимущественно детали пейзажа. Во-вторых, все три группы слов представляют собой элитический словарь, который отчётливо демонстрирует творческий метод Карамзина – сентиментализм. В-третьих, наличие во всех трёх группах слов высокого стиля свидетельствует о том, что Карамзин учитывал опыт своих предшественников-классицистов.

10.11.2016

Список литературы:

- 1 Вацуро, В.Э. Возвращение Карамзина [Электронный ресурс] / В.Э. Вацуро. – Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/vacuro_karamzin_vozvrashchaetsja.pdf (дата обращения: 07.07.2016).
- 2 Подойницына, О.Э. Поэзия Н.М. Карамзина: темы и жанры : дис. ... канд. филол. наук / О.Э. Подойницына. – М. – 185 с.
- 3 Попова, Е.В. Функционирование эмотивной лексики и фразеологии в русском языке XVIII века: на материале художественных произведений Н.М. Карамзина : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Попова. – Уфа, 2013. – 23 с.
- 4 Карамзин, Н.М. Полное собрание стихотворений / Н.М. Карамзин. – М., – Л.: Советский писатель, 1966. – 424 с.
- 5 Николайчук, Д.Г. «Послание к женщинам» как манифест феминистических взглядов Н.М. Карамзина / Д.Г. Николайчук // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14, вып. 3. – С. 62–68.
- 6 Николайчук, Д.Г. Грани женского мира в альманахах Н.М. Карамзина : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.Г. Николайчук. – Саратов, 2015. – 23 с.
- 7 Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М., 1959. – С. 371–387.
- 8 Пыхтина, Ю.Г. Лексическая экспликация психологического пространства в творчестве М.Ю. Лермонтова / Ю.Г. Пыхтина, А.А. Коробейникова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – №11 (172). – С. 4–8.
- 9 Кондратьева, О.Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях: На примере концептов душа, сердце, ум : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Кондратьева. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.
- 10 Маняхин, А.В. Концепты «дух», «душа», «сердце» и «мысль», «разум», «рассудок» в лирике Е.А. Боратынского: Лингвистический аспект : автореферат дис. ... канд. филол. наук / А.В. Маняхин. – Воронеж, 2005. – 22 с.
- 11 Лотман, Ю.М. Сотворение Карамзина / Ю.М. Лотман. – М., 1987. – 336 с.
- 12 Коробейникова, А.А. Внешний вид как составляющая поэтического образа мужчины (по данным лексической структуры лирических текстов А. Ахматовой и М. Цветаевой) / А.А. Коробейникова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». Выпуск 7: Южно-Уральский государственный университет. – Челябинск, 2008. – №16 (116). – С. 89–94.

Сведения об авторе:

Коробейникова Анна Александровна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел. (3532) 372436, ауд. 1106, e-mail: SSSR2004@yandex.ru